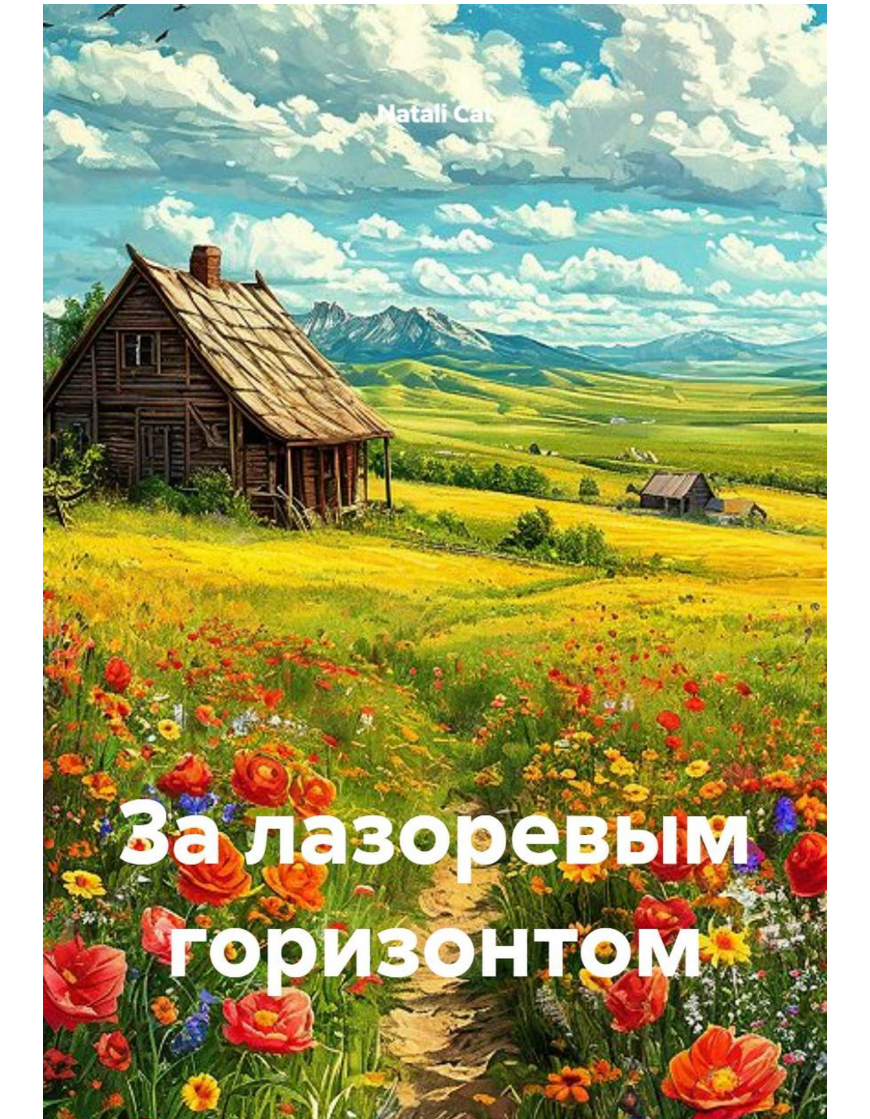

Natali Cat

За лазоревым горизонтом

Natali Cat

За лазоревым горизонтом

<https://litres.ru/74303594>

SelfPub; 2026

Аннотация

Можно ли дойти до самого края горизонта, или есть лишь таинственная точка невозврата, за которой путь назад уже невозможен?

На фанфик, отчасти, вдохновила глава из книги "Мэри Поппинс" — "Тяжелый день".

Содержание

Глава	4
Конец ознакомительного фрагмента.	17

Natali Cat

За лазоревым горизонтом

Глава

— Роза, детка, давай скорее, нам уже нужно выходить. Нужно поговорить с твоим дядюшкой Хаимом как можно скорее, я не намеренна ждать. — Красивая женщина в белом, прячущим волосы платке, коричневом платье, и надетой поверх него темной жилетке с белым кружевным воротничком, подошла к крутящейся и расчесывающей длинные кудрявые волосы у зеркала девочке лет двенадцати. Девочка была очень похожа на нее — с такими же тонкими чертами лица и большими ореховыми глазами, обрамленными длинными черными ресницами.

— Не хочу туда идти. Я хочу гулять. Хочу в степь. — Надула губы Роза — единственная дочь Элишевы, вдовы Самуила бен Моше, шинкаря из Паволочи.

Муж Элишевы умер совсем недавно, а шинок по праву Галахи* отошел его младшему брату — Хаиму бен Моше. Вдова с дочерью остались практически ни с чем. Шинок не принадлежал их семье на правах собственности, они арендовали его у одного польского шляхтича и нынче договор аренды был переписан на Хаима.

Но ей некогда было долго предаваться горю, необходимо было решить вопрос об обязательной вдовьей доли, оговоренной в брачном договоре и как можно скорее забрать свое приданое, как того требовал обычай. Ведь Розу предстояло растить еще несколько лет, пока она не выйдет замуж. Да и приданое за дочерью дать необходимо. Без него шансы на удачное замужество заметно снижались, несмотря на то, что девочка и впрямь обещала превратиться в прекрасную розу — изысканный, изящный цветок. С каждым днем она хорошела на глазах, становясь все более похожей на мать, в юности бывшую первой красавицей Павлолочской общины.

Хаим пока не переехал в комнаты при шинке, но Элишева не могла ждать, когда он соизволит приехать и указать им с Розой на дверь, она никогда особо не ладила со своим деверем. Он искренне полагал, что такая красивая жена просто не может всегда хранить верность мужу, хотя она никогда не давала повода для этих беспочвенных подозрений. Элишева очень любила мужа и была преданной доброй женой.

Когда Самуил умер, она почувствовала опустошение и полное бессилие. В сердце поселились тревога и едкий страх за будущее дочери. Кроме шинка у них не было иного источника дохода. Да и тот не был их собственностью, поэтому она не имела возможности потребовать своей доли от доходов с него. Приданое и вдовья доля были небольшими и их следовало отложить Розе на будущее.

Зарабатывать на жизнь Элишева собиралась шитьем и по-

чинкой обуви, этому полезному ремеслу ее научил отец, уже тоже давно почивший. С голоду они с дочерью, естественно, не умрут, но жить придется весьма скромно, в небольшой съемной комнате, которую она уже заранее присмотрела. Хозяева были друзьями покойного мужа и не собирались брать с нее плату, во всяком случае первое время.

По крайней мере, хотя бы одна проблема была решена, теперь следовало решить другую — вырвать из любимого дерева все, что полагается и постараться начать новую жизнь. Ради Розы. Элишеве говорили, что она еще молода, очень красива и вполне могла бы выйти замуж еще раз, благо желающие в общине были. Но она твердо решила, что более ни с кем не станет связывать себя узами брака, а будет поднимать дочь своими силами. Во все времена законы были несправедливы к слабому полу, но это не повлияет на ее решимость жить самостоятельно, ведь женщины тоже способны на многое. А если их мужчины даже не в состоянии защитить своих женщин от погромов, то в чем тогда их большая ценность? Выходит, женский пол не так уж и слаб?

— Мама, почему мы должны уезжать из дома? Я не хочу в ту комнату, мне там не нравится. Я хочу жить дома, — зачесывая часть волос назад и закалывая их, нахмурилась Роза.

— Этот дом больше нам не принадлежит. Такова жизнь, милая, — вздохнула Элишева.

— Это нечестно! Почему мы не можем остаться здесь, только потому что я девочка, а не мальчик?

— По закону только сын может наследовать за отцом, а дочери, увы, не могут.

— Значит это плохой закон, — сердито тряхнула кудрями Роза. — Я думала, у гоев* плохие законы, а у нас тоже.

Элишева пристально взглянула на дочь. Вероятно, стоило бы отчитать ее за подобные слова, но ей не хотелось этого делать. Этот закон действительно был несправедлив и Роза это прекрасно понимала.

— Да, это верно, дочка. Но мы ничего не в силах изменить. Во всяком случае, пока. Может быть, когда-нибудь это изменится, но не нынче. Нынче мы можем лишь постараться жить дальше.

— Хорошо, мама. — Роза поглядела на большой кованный сундук, стоявший у стены, а вернее на изящный кружевной воротничок, лежавший на нем. — Хочу этот воротничок на платье.

Если изменить судьбу невозможно, то нужно, хотя бы красиво выглядеть. Уж этого-то женщинам никто запретить не вправе.

— Дочка, я приготовила его для работы, он дорогой и может понадобиться. Хотя... давай его сюда, я тебе приколю. Нехай будет твоим, — улыбнулась Элишева.

Подперев щеку ладонью, Роза зевая, слушала разговор матери с дядюшкой. Все о чем они говорили было неимоверно скучно, нудно и ни капельки не интересно. Все эти расчеты,

долги, деньги, договоры. Какая разница, если в любом случае придется покинуть дом, где она прожила всю жизнь? Жизнь приживалки у друзей родителей ее вовсе не прельщала. Тем более, что там жила почти ровесница Розы, тринадцатилетняя дочь хозяев — Мирра, которая, наверняка, будет задаваться перед ней, ведь Мирра-то живет в своем собственном доме. А у Розы теперь ничего своего нет и жить там они будут из милости.

Она не грустила, она злилась на судьбу. Хотя, отец всегда говорил, что злость это грех, что нужно подавлять в себе гнев и гордыню. Отца у нее тоже больше не было, а ведь она его очень любила! За что их так несправедливо наказала жизнь? Хотелось просто взять и убежать куда глаза глядят. Роза чувствовала, что не в силах совладать со своими эмоциями, отец был бы ей очень недоволен.

— Мама, можно я пойду погуляю? Пожалуйста! — на ее глазах выступили слезы.

Розе казалось, что ей не хватает воздуха.

— Дочка, что с тобой? — Элишева с беспокойством взглянула на дочь.

— Нехай подышит, ничего не случится. — Хаим погладил Розу по голове. — Какая красавица растет! Такой и приданого не нужно, так возьмут.

— Не заставляй подробно объяснять тебе, почему я с тобой не согласна, — усмехнулась Элишева глядя на деверя в упор.

— Будет тебе, Эля. Уж и пошутить нельзя, — рассмеялся Хаим. — Так позволишь ей погулять-то? Да и нам кое-что обсудить наедине надобно.

— Я боюсь за нее, — призналась Элишева. — Там недалеко, вроде казаки живут?

— Казаки, татары, турки... Скоро и коты начнут за нами охоту. Нам что ж, теперь по углам сидеть, как твои мыши? Ой вей! — всплеснул руками Хаим.

— А я никого не боюсь! — Розе поскорее хотелось уйти из душного дома и спокойно подумать о будущей судьбе.

— Ты у меня смелая, — грустно улыбнулась Элишева. — Да и какими нам еще быть, ежели наши мужчины... — она многозначительно покосилась на Хаима. — Иди, прогуляйся. Но недолго! И не уходи слишком далеко, помни об опасности.

— Конечно, мамочка, — чмокнув ее в щеку, Роза бегом выскочила из дома на подворье, а затем — за ворота.

«Помни об опасности.» Вечно одно и то же. Почему им все время нужно чего-то или кого-то бояться? Будто бы абсолютно все на свете ополчилось против их народа. А Розе хотелось просто жить, не думая ни о каких опасностях, просто дышать теплым июньским воздухом, радоваться лучам золотистого ласкового солнца, бежать по изумрудной молодой траве и наслаждаться дурманящими ароматами ярких степных цветов.

Погруженная в свои мысли, Роза не заметила, как уже довольно далеко отошла за ворота, вышла за пределы местечка и шла по узкой, коричневатой тропинке, петляющей посреди широкого зеленого, дышащего пряными запахами чабреца, тысячелистника и полыни поля. Кое-где порхали белого и желтого цвета бабочки, по высокому ярко-синему небу плыли белоснежные, похожие на пушистых барашков облака и в полупрозрачной дымке терялся лазоревый горизонт.

Что же там — за лазоревым горизонтом? Что будет, если она все же дойдет туда, хотя все говорят, что это невозможно, что он отдаляется по мере приближения к нему. Оглянувшись назад, Роза ощутила внезапное беспокойство. Местечко давно скрылось из виду, вокруг не было никого и ничего, никаких жилых домов, а ведь матушка просила помнить об опасности. А если ее убьют?

Ну и пусть! Тогда не придется жить в чужом доме и она увидит отца. Но он говорил, что бывает участь худшая, нежели смерть. Снова всех бояться? Идти домой, только потому что нужно везде и всегда помнить об опасности? Даже не поглядеть что там дальше — за горизонтом? Нет, Роза никогда не была трусихой и теперь не будет.

Любопытство погнало ее дальше по извилистой узкой тропинке. Пройдя еще какое-то небольшое расстояние, она заметила маленький лесочек, росший справа от тропинки, там слышались голоса, но она не могла разобрать какие и кому они принадлежали. Знак ли это, что нужно идти обратно?

Но ведь она не делает ничего дурного и никому не мешает. Роза решила пройти еще чуть дальше, а потом вернуться обратно в дом дядюшки, она и так прошла уже очень много и успела привести мысли о предстоящей судьбе в порядок. Роза решила, что будет во всем помогать матери, они будут шить вместе и сумеют накопить на аренду небольшого, пусть скромного, но отдельного домика.

Почувствовав небольшую усталость, она присела около тропинки на мягкую перину ковыля, ногам нужна была небольшая передышка. Никогда прежде, она не гуляла так долго, не уходила в такие неизведанные дали. Склонив голову на руки, Роза явственно услышала, что голоса становятся все громче, и теперь она слышала громко переговаривающихся между собой мальчиков. Вероятно, они были ее ровесниками, а быть может чуть старше. Но хвала Господу, это были не взрослые люди, а мальчишек она опасаться не собирается, много чести!

— Эй, ты кто? Шо ты тут робишь? — голос звучал по-юношески звонко, но с оттенком наглости.

«Как невоспитанно». — промелькнуло в голове у Розы. — «Наши мальчишки себе такого не позволяют».

— Я здесь отдыхаю, а что такого? Разве нельзя? — вскочив на ноги, Роза с вызовом посмотрела на смугловатого высокого мальчика лет четырнадцати с черными блестящими, стриженными полукругом волосами и темными, как омуты глазами, в глубине которых таилась какая-то опасность.

Мальчик был одет в белую, с вышивкой рубаху и алые широкие шаровары, а на поясе висела настоящая казацкая сабля. Розе стало не по себе, она тотчас вспомнила предупреждение матери об опасности. Но она ни за что не покажет этому мальчишке свою слабость. Девчонки ее народа не из пугливых!

— Ты как разговариваешь? Девчонки не должны так говорить, ишь ты! — слегка нахмурился мальчик.

Похоже, подобные речи от девочек он и впрямь слышал не так часто. Но Роза вовсе не собиралась пасовать перед этим грубияном.

— Как хочу, так и говорю. Тем более, ты даже не взрослый. И я уже уйду. — Повернувшись, Роза собралась было идти назад, но мальчик преградил ей путь.

Недалеко от него стояли и с интересом наблюдали за этой сценой еще два мальчика. Они были чуть поменьше ростом и выглядели очень похожими друг на друга, почти одинаковыми.

— Постой, дивчина, — он примирительно протянул ей руку. — Меня зовут Лукаш. А это мои братья, дядины сыны — Дмитро и Яким. Они — двойняшки. А еще у нас есть сестрица Мелася.

Роза огляделась вокруг. Но на залитом ярким солнцем лугу не было никого кроме Лукаша, Дмитро и Якима.

— Меня зовут Роза, — смущенно ответила она.

Взгляд черных глаз Лукаша странно волновал ее, застав-

для сердце биться быстрее, а пальцы едва заметно подрагивать. Стоило признаться, что он был весьма симпатичным мальчиком — статным, с красивым лицом. Быть может, не стоит торопиться обратно? Наверняка, матушка с дядей еще не до конца решили все свои вопросы.

— Роза... — прищурился Лукаш, мимолетно скользнув взглядом по тонкой красной нити на ее левом запястье.

— А где же Мелася? — быстро произнесла Роза, невольно перехватив запястье правой рукой.

— Она дома, нынче она вышивает дяде рубаху. Ему скоро надобно ехать на... ехать надо из дому, — ответил Лукаш. — А пойдем к нам в гости, сама ее увидишь. Пойдем, не бойся — ненадолго, — приветливо улыбнулся он, увидев ее замешательство.

— Добре. Но только ненадолго. — Роза и сама не знала, зачем согласилась идти в гости к совершенно незнакомому мальчику, тем более из казацкой среды.

Но любопытство снова пересилило осторожность, ей было интересно увидеть нечто новое и доселе неизведанное. Раньше она никогда не бывала в домах христиан. Разве что, один раз они с матушкой были у особняка того самого польского шляхтича, у кого арендовали помещение под шинок. Рядом с домом стоял молодой светловолосый шляхтич, вероятно — сын хозяина и красивая дама в пышном платье с кружевным воротничком, похожим на тот, который она выпросила утром у матери. А ведь ни Лукаш, ни его братья не сделали

комплимента ее воротничку.

— Тебе нравится мой воротничок? — раз уж все молчат, приходится самой напрашиваться на похвалу.

— Он гарный, но ты лучше, — внимательно посмотрел на нее Лукаш. — Тебе пойдет повойник... когда подрастешь. — Он что-то очертил смуглым пальцем вокруг ее головы.

— Что это?

— Пойдем и увидишь. Я тебе много чего покажу.

— Меня ждут мама с дядюшкой. Мне... наверное нужно вернуться в дом дяди, — Роза с волнением взглянула назад, на серпантин извилистой тропинки, по которой пришла сюда.

— Сначала мы пойдем в дом моего дядьки. Я живу с ним после того, как батьку в битве басурманы убили. А matka замуж вышла, живет в другой хате.

— Правда? А у меня тоже отец умер совсем недавно. Но мама замуж больше не выйдет, мы будем жить вдвоем. — Услышав рассказ Лукаша, Роза прониклась к нему сочувствием.

Она тоже потеряла горячо любимого отца, и у них, оказывается общая беда. Быть может, в другом мире и в другом времени они смогли бы подружиться?

— Не дело это — бабе одной жить, — рассмеялся Лукаш.

— Но почему? Мы будем шить и проживем как-нибудь, — пожала плечами Роза.

— Вы странные... Мне кое-что говорили про ваших баб.

— Задумчиво произнес Лукаш, глядя на ее красную нить. — Не будем об этом. Пойдем шибче. Ты ведь хочешь поглядеть на моего коня? Дядька Грицко подарил. Он дюже гарный.

— Посмотреть на коня? — это было действительно соблазнительно.

Прокатиться на коне всегда было ее тайным желанием. Устоять против этого было просто невозможно. Она пойдет совсем ненадолго — погладит коня и уйдет, даже не попросит покатать ее.

Взяв Розу за руку, Лукаш повел ее наискосок, через луг, к небольшому лесочку. Она случайно соприкоснулась с саблей, висящей на его поясе. Холод металла обжег тонкую кожу рук.

— Зачем это? — остановившись, она протянула руку и указала на саблю.

— Чтобы бить нехристей! — ответил Лукаш.

— Я тоже нехристь.

— Это не про вас, — он поцеловал ее в щеку.

Это было неожиданно, ведь до этого Розу еще не целовал ни один мальчик. Но вместе с тем, это было приятно, и ей захотелось поцеловать его в ответ. Конечно, воспитанные девочки не могут позволить себе подобного безрассудства.

Дмитро сплел ей венок из полевых цветов и надел на голову. Лукаш объяснил, что их девушки часто носят венки, пока не выйдут замуж. Потом они спели ей казачью песню:

Ой, у полі криниченька,

Навколо пшениченька.
Там дівчина воду брала,
Чорнобрива, молоденька.

Когда они подошли к леску, Роза вновь ощутила легкий укол страха в сердце. Она боялась заходить под своды незна-
когого леса, пусть даже он казался негустым и светлым.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.